

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 412-421
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.412

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes

Aleksey M. Erokhin ^a, Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article reviews the Russian peasant and military-Cossack colonization of the North Caucasus in the 19th century, its importance for the region. The authors focused greater attention on various aspects of the sociocultural interaction between Russian settlers and Caucasian mountain peoples. The methodology is based on a combination of historical and anthropological studies, analysis of ethnomigration, colonization – resettlement and sociocultural processes, frontier theory. Active Russian colonization changed the socio-cultural and ethnic landscape of the North Caucasus, contributed to the development of agriculture, industry and urban growth. Institutional and sociocultural exchange, the accession of the cultures of the Caucasian mountain peoples to the sociocultural matrix of the Russian state were being intensified. A unique frontier culture of the Caucasian borderlands was being formed. The natural sociocultural integration that took place between the Cossacks, Russian settlers and the Caucasian mountain peoples in the 19th century did not become a priority of state policy at that time. The majority of the mountain population remained outside the influence of Russian culture, was not included in the modernization and urbanization processes. This became a socio-cultural factor in the preservation of conflict in the region in the 20th century.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Russians, Cossacks, colonization and resettlement processes, sociocultural processes, education, russification.

1. Введение

Северному Кавказу принадлежит особое место в имперском измерении российской истории. В XIX в. этот регион становится не только южным фронтиром России, но и зоной формирования разнообразных смешанных и переходных культур, активного экономического и культурного обмена между русскими и горским населением, интеграции северокавказских народов в российское социокультурное пространство. Состав населения Северного Кавказа в этот период существенно изменился. Наряду с мухаджирством горцев, происходит массовое переселение в регион русских из центральных и юго-западных регионов. Этномиграционные процессы, ассимиляторская политика, раскол местных элит по вопросу лояльности к империи отражались на характере и направленности социокультурных процессов. В данной статье рассматриваются социокультурные аспекты русской крестьянской и военно-казачьей колонизации Северного Кавказа в XIX в., ее предыстория и последствия для развития региона. Объектом исследования стали русские переселенцы и казаки. Их роль на Северном Кавказе возрастает уже во второй половине XVIII в. В XIX в. происходят еще более масштабные этномиграционные и переселенческие процессы, меняющие этнический и конфессиональный состав населения. Эти процессы оказали значительное влияние на экономическое и социокультурное развитие региона. Актуальность темы связана с осмыслением исторического опыта формирования единого социокультурного пространства Северного Кавказа, оценкой его жизнеспособности и потенциала развития. «Культура, – по словам Л.С. Гатаговой, – стала матрицей,

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

на которой выростали слагаемые сближения и взаимопонимания» (Гатагова, Трепавлов, 2019: 215). Проблематика исследования имеет не только историческое, но и современное звучание, обусловленное сложной динамикой этномиграционных, социокультурных и модернизационных процессов, значительным конфликтогенным потенциалом исторической памяти, а также необходимостью дальнейшего формирования преемственности национальной политики российского государства на Северном Кавказе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу настоящей статьи составили архивы и фонды с материалами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, источники законодательного, политического, этнографического и историографического характера, а также архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). В основу настоящей статьи положен междисциплинарный подход, сочетающий историко-антропологические исследования, анализ этномиграционных, колонизационно-переселенческих и социокультурных процессов на Северном Кавказе в XIX в. При работе с имеющейся научной литературой, архивными и документальными текстами применялись сравнительный, описательный, функциональный и типологический методы. Анализ продвижения России на Северный Кавказ, военно-переселенческой колонизации этого края предполагает обращение к теории фронта. В свете кавказского пограничья (фронта) ключевыми становятся оценки происходившей в регионе внутренней и внешней миграции больших масс людей, формирующихся между ними и местным населением взаимоотношений, приведших к образованию пестрой мозаики локальных сообществ (Барретт, 2000: 165). Например, взаимоотношения горцев и казаков выходят за рамки простого противостояния. Так, казачество постепенно включает в свой состав самые различные этнические и конфессиональные группы, влияние местных культур прослеживается в быту казачьих общин, а отношения с имперскими властями разделяют горцев и казаков на «мирных» и «немирных», «служилых» и «вольных». Основная теоретическая предпосылка статьи заключается в рассмотрении «частной истории» русской колонизации и освоения Северного Кавказа в контексте общего нарратива имперской истории.

Колонизационно-переселенческие процессы могут быть интерпретированы как особая разновидность социокультурного обмена, в ходе которого происходит перенос в социокультурное пространство народов новых культурных кодов и моделей. Для Северного Кавказа приход русских означал появление сугубо земледельческого населения в социокультурном пространстве народов региона, что приносило достаточно развитые формы обработки земли. Наряду с этим русские, опираясь на развитую государственность, армию и бюрократию, способствовали формированию принципиально новых социально-государственных институтов в патриархально-родовых горских сообществах. Пришлое русское население, опираясь на государственно-силовую приоритет над автохтонными народами региона, не только закрепилось среди носителей другой культуры, но и способствовало продвижению государственности и русской культуры в регионе (Денисова, Уланов, 2003).

В процессе социокультурного взаимодействия, обусловленного колонизационно-переселенческими процессами, русская культура выступила в качестве культуры-донора, осуществляющей перенос и локализацию системы базовых символов и ценностей из центральной зоны культуры на периферию. Центральные принципы и ценности культуры-донора стали формировать определенный набор статусов и отношений внутри различных сфер социума региона. Наряду с этим, освоение горским населением новых социальных отношений, взаимодействие с русским населением приводили к ассимиляционным процессам. Русские также впитывали в себя культуру периферийной зоны и в какой-то степени становились посредниками между двумя взаимодействующими культурами: будучи носителями культуры-донора, вбирали в себя элементы культур-реципиентов. Русские на Северном Кавказе стали проводниками переноса ценностей ядра русской культуры и примером новых моделей социальной организации.

3. Обсуждение

В советской кавказоведческой историографии выделяются исследования казачества и горцев, истории вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи, положительных последствий этого процесса для культуры и экономики региона, а также его хозяйственного освоения русскими (Пронштейн, 1982; История народов Северного Кавказа, 1988). Отечественными этнологами изучались различные аспекты традиционно-бытовой культуры русского и казачьего населения Северного Кавказа, его взаимоотношения и хозяйственные связи с другими народами региона (Соловьева, 2018). В зарубежных исследованиях также рассматриваются различные аспекты Российской империи и ее окраинной политики, включения различных народов в единое хозяйственное и социокультурное пространство (Russia's Orient..., 1997; Kappeler, 2001). Значительный вклад в становление новых подходов к имперскому этапу российской истории и ее

окраин, осмысление взаимодействия различных этнических групп между собой и властью, вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства, организации управления северокавказскими территориями в контексте сюжетов Кавказской войны, кавказского пограничья, административной политики империи на Северном Кавказе, ориентализма, мухаджирства, русской колонизации, русификации, социокультурных и переселенческих процессов в регионе внесли работы современных российских историков (Miller, 2004; Цуцьев, 2006; Северный Кавказ в составе..., 2007; Гатагова, Трепавлов, 2019).

4. Результаты

Ключевыми событиями истории Северного Кавказа в XIX в., оказавшими огромное влияние на регион, стали Кавказская война и связанные с ней массовые переселения как русского, так и горских народов. Переселенческие процессы в регионе развивались в рамках двух различных, хотя и взаимосвязанных направлений: мухаджирство, русская крестьянская и военно-казацкая колонизация. Проблемы, связанные с выселением и эмиграцией горцев, уступавших свои земли русским переселенцам и казакам, несмотря на их давность, по-прежнему занимают важное место в памяти горских народов, являясь, наряду с депортацией в годы Великой Отечественной войны, одними их наиболее болезненных сюжетов «национальных» историй ряда народов Северного Кавказа. Неоднозначность трактовок данных проблем, риски их политизации требуют объективного и беспристрастного подхода, избегания односторонних и одиозных оценок, рассмотрения этих процессов в широком контексте имперской политики, оценок влияния на них со стороны как Российской, так и Османской империй. Необходимо помнить, что казаки и русские переселенцы также подвергались жесткому диктату и насилию со стороны государственной власти. Военная колонизация региона встречала активное сопротивление со стороны не только горцев, но и казаков. Например, по замечанию Ф.А. Щербины, «правительство после разрушения Запорожской Сечи и подавления пугачевщины привыкло к решительным мерам против казачества и не считалось с его интересами» (Щербина, 1910: 661). Переселение донских казаков на Кубань, служба по охране Кубанской линии воспринималась ими как тяжелая повинность.

Исторически первыми переселенцами на Северный Кавказ из областей Центральной России, Поволжья и Украины стали казаки. Их появление в регионе относится еще к XIV–XV вв. Во второй половине XVI в. складывается Терское и Гребенское казачество. Ими осуществляется самостоятельное освоение территории без помощи государства. Казачество зачастую мирно взаимодействовало с чеченцами и кабардинцами, осваивая «затеречные степи в хозяйственных целях» (Ахмадов, 2013). Наибольшую интенсивность переселение казаков на Северный Кавказ приобретает в конце XVI – начале XVII вв. в связи с голодом и смутой, постигшими Московское царство. Во второй половине XVII в. в регионе появляются старообрядцы, бежавшие от религиозных преследований. Роль и значение казачества усиливается на Северном Кавказе во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. в связи с продвижением России в регионе, Кавказской войной, использованием казаков для охраны границ и несения гарнизонной службы.

Основу социально-экономического уклада казаков, наряду с земледельческим, составлял военно-промышленный тип хозяйства, при этом у казаков под влиянием тюркско-монгольской среды неземледельческие занятия, зачастую связанные с войной, выдвигались на первый план (Великая, 2001). Ядро казачества составляли «беглые русские люди», однако казачьи общины вбирали в себя, наряду с русскими, представителей различных этносов и конфессий (старообрядцы, ногайцы, кумыки-мусульмане и калмыки-буддисты), горцев, укрывшихся в казачьих станицах от внутренних распрей и кровной мести. При этом зачастую и казаки, русские крестьяне и солдаты бежали в горские аулы, некоторые из них успешно ассимилировались, оставаясь там навсегда. Элементы различных культур проникают в быт, военное дело и систему социальных отношений в казачьей среде. Влияние горских традиций и обычаев хорошо заметно в одежде, оружии, танцевальной и музыкальной культуре казаков. Зачисление в ряды казачества горцев продолжалось и в XIX в. Например, в 1825 году к Кизлярскому войску было причислено 259 очоженских, парбочевских татар и казенных крестьян. В Сунженский полк Кавказского линейного казачьего войска в 1853 г. были зачислены карабулаки Тепса Шахмурзиев и Майя Бахмаев (Великая, Великая, 2015: 196–197). С начала Кавказской войны власти в целях возмещения убыли среди казачества приписывали к нему мирных горцев и переселяемых в регион государственных крестьян. Следует подчеркнуть, что между казаками и горцами всегда существовали торговые связи. И.Д. Попко, объясняя, как могут на одном и том же рубеже происходить война и торговля, пишет, что «у горцев нет соли, а у казаков нет леса. Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования, между казаками и горцами завязывались торговые отношения. Первым нечем посолить свою пасту (кашу), а последним не из чего возвести хату» (Попко, 1858: 122).

Большую роль в развитии социокультурных связей между местным населением и казаками, освоении горцами русской культуры и приобщении казаков к местным культурам играли два института: брак и куначество (своеобразный обычай кавказского побратимства). Традиции межэтнических браков и куначества в регионе имели глубокие исторические корни. Так,

по выражению Ф.А. Щербины, «русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первое время своего существования буквально добывала жен на Кавказе» (Щербина, 1910: 337). У терских и гребенских казаков появлялись кунаки в местных аулах, а у горских народов – в казачьих станицах. Обычай куначества свято соблюдался горцами. Даже в период Кавказской войны часть казаков и горцев оставались кунаками. Помимо постоянных дружеских отношений, кунаков связывали обязанности взаимопомощи и участия в делах друг друга (Иноземцева, 2018: 20). Эти институты, безусловно, больше всего способствовали восприятию представителями различных народов «чужой» культуры как «своей». Социокультурная интеграция и торговые связи, возникающие между казаками, русскими переселенцами и горским населением в XIX в., не стали приоритетами государственной политики, тем более не найдя свое отражение в государственных решениях и конкретных управленческих практиках указанного периода.

Длительная история казачьей колонизации Северного Кавказа, включала в себя различные нарративы – от мирного социокультурного взаимодействия и интеграции, побратимства и установления кровнородственных связей между казаками и горцами до неприятия, вражды (преимущественно по конфессиональным, а не этническим мотивам) и военных столкновений. Безусловно, заслуживает дальнейших социокультурных и историко-антропологических исследований происходившие среди казаков и горцев процессы культурного обмена, формирования кавказской (фронтирной) специфики казачьих общин, ставших носителями уникальной «пограничной» культуры. Более пристального исследовательского внимания заслуживают и процессы, связанные с развитием отношений между казаками и государственной властью. Казачество, являвшееся военизированным сословием, в силу своей специфики постоянно привлекаемое к охранной, пограничной и гарнизонной службе, становится одним из основных акторов военной колонизации и русификации, инструментом для обеспечения Россией своих геополитических интересов в регионе. При этом отношение правительства к казакам было далеко не однозначным. Их вольница, как и традиционный образ жизни горских обществ, плохо вписывалась в систему военно-бюрократического управления Северным Кавказом. Имперская политика была направлена на все большее привлечение казачества к военной службе, ограничение станичного самоуправления и установление над ними прямого бюрократического контроля (служилый характер казаков подчеркивался тем, что, начиная с 1827 г., атаманские функции номинально возлагались на наследника престола). Само казачество становилось внутренне неоднородным, происходило его законодательно оформленное расслоение на офицерство и рядовых казаков-станичников. Постепенное упразднение ряда казачьих привилегий, а также имевшая место практика их переселений несколько сближает исторические судьбы казаков и горцев, волей-неволей вовлеченных в масштабные и многомерные процессы расширения Российской империи. Так, на Северном Кавказе законодательный статус казачества был окончательно определен Положением 1845 г. о Кавказском линейном казачьем войске. На казаков, помимо военной службы, заселения и защиты вновь учреждаемых правительством линий, возлагались и земские повинности: содержание в исправности дорог, квартирование и обеспечение продовольствием приходящих воинских команд, препровождение арестантов, содержание земской почты, составление хлебных запасов (Положение..., 1845).

Переселению и русской колонизации отводилось важное место в проектах по «умиротворению» и «освоению» Северного Кавказа, подготовленных военными властями в 30-е – начале 60-х гг. XIX в., при этом отсутствовали единые принципы переселенческой политики (Северный Кавказ в составе..., 2007: 160) По завершению Кавказской войны начинается активная интеграция региона в социокультурное и экономическое пространство России, рост городов и городского населения, появляются первые промышленные предприятия. Тогда же берет свое начало и новый этап русской колонизации региона, которая рассматривалась в право-монархическом дискурсе как один из ключевых компонентов успешного государственного строительства. Так, один из видных правых публицистов конца XIX – начала XX вв., посвящавший свои работы крайним проблемам, писал, что «с устройством русских поселений, конечно, не единичных, в крае тотчас же водворяется русский обиход жизни, туземное население... знакомится с русским языком, русскими порядками и обычаями» (Липранди, 1911: 132).

Развитие региона во второй половине XIX в. носило преимущественно аграрный характер, при этом появляются и первые промышленные предприятия, продолжается процесс русификации горцев. Крестьяне-переселенцы из центральных и юго-западных областей России привнесли в регион российские сельскохозяйственные технологии и приемы. При этом общий уровень технологического развития в сельском хозяйстве оставался низким. Даже в конце XIX в. усовершенствованные земледельческие орудия (плуги, косилки, жнеи, молотилки) встречались как исключение у русских и немецких колонистов. «Туземцы, в огромном большинстве случаев, обрабатывают почву, убирают и молотят хлеб местными, крайне примитивными орудиями» (Энциклопедический словарь..., 1894: 841). После отмены крепостного права началось активное продвижение русского крестьянства на Северный Кавказ. С 1867 до 1897 гг. население Северного Кавказа за счет внешней миграции увеличилось на 1 млн 586 тыс. человек, а Терской области – на 345 тыс. человек (Денисова, Уланов, 2003: 43). Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г.

(Первая Всеобщая перепись..., 1905), на Северном Кавказе проживало порядка 4 354 750 человек. Русских (перепись относил к русской языковой группе «великоруссов», «малоруссов» и «белоруссов») было порядка 2 906 334 человек или 66,7 % от общей численности населения. Больше всего русских проживало в Кубанской области и Ставропольской губернии, меньше всего – в Дагестанской области. Горское население проживало в основном в Терской и Дагестанской областях (см. Рисунок 1). В начале XX в. русское население Северного Кавказа продолжает расти. При этом в первую очередь увеличивается численность русских горожан (Суций, 2018: 68).

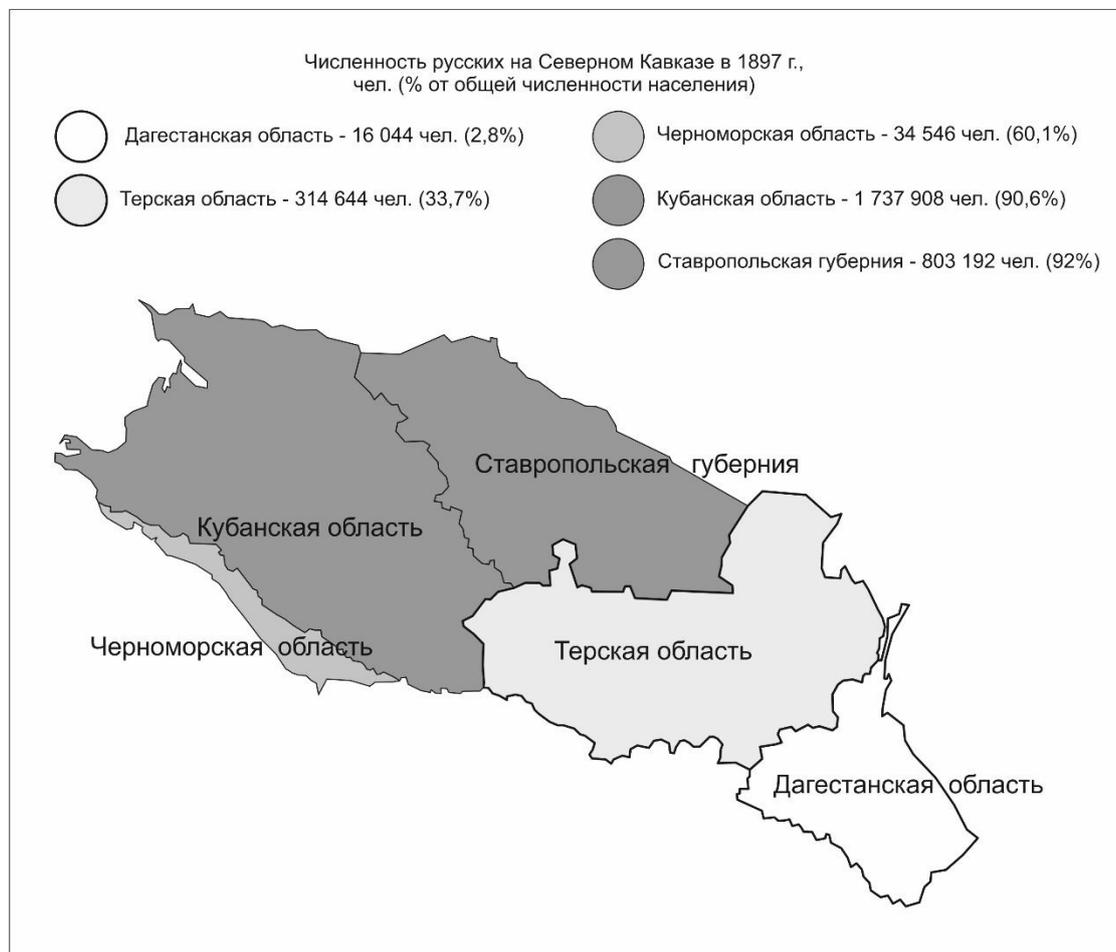

Рис. 1. Численность русских на Северном Кавказе в 1897 г.

Наряду с привнесением аграрных технологий, русские переселенцы становятся носителями новой культуры. Крестьяне, обустроиваясь на новых землях, трансформировали привычные им социокультурные аграрные практики, традиционные основы жизнедеятельности, которые в процессе взаимодействия перенимались и горским населением. Сельское хозяйство региона трансформируется под влиянием садоводства и виноградарства, племенного скотоводства, пчеловодства, паровых мельниц и железных плугов. Обустройство переселенцев на новых землях предполагало преодоление ряда трудностей. Например, земли на территории Кизлярского округа, предоставленные русским переселенцам этого периода, были малопригодны для ведения сельского хозяйства. «Переселенцам приходилось прилагать огромные усилия для расчистки участков от камней, кустарников, камышей и пр., чтобы приспособить их под пашни» (Ризаханова, 2001: 34). Зачастую русские переселенцы сталкивались и с активным противодействием со стороны горского населения, применявшего против них такие методы, как кража, угон скота, отвод источника воды (Ризаханова, 2001: 27). Несмотря на зачастую тяжелые условия труда, дефицит земельного фонда и конфронтацию с местным населением, многим русским переселенцам удается создать конкурентные, высокопроизводительные, по сравнению с сельхозпроизводством автохтонных народов, товарные хозяйства, поставляющие хлеб в другие области Российской империи. Например, экспорт зерна из Терской области в период с 1897 по 1899 гг. увеличился в 2,1 раза с 7 370 590 до 15 704 439 пудов (Кумыков, 1965: 269).

Наряду с развитием аграрного сектора, с середины XIX в. российским государством инициируется начало формирования индустриального сегмента экономики Северного Кавказа, к созданию которого активно привлекалось технически подготовленное русское переселенческое население. Так, наместник Кавказа граф М.С. Воронцов способствовал строительству серебро-

свинцового завода на Садонском руднике. В 1850 г. официально учреждается «Алагирский серебро-свинцовый завод». В Садон и Алагир для его строительства переселили 380 семей русских рабочих с заводов Алтая, Урала и Луганска. По прошествии трех лет «в Садонских рудниках уже добывалось около 3 тыс. пудов несортированной руды, а завод выплавлял 10 пудов 32 фунта серебра и более 3 600 пудов свинца» (Гогаева, 2020). Более активно промышленное развитие в регионе начинается в 1890-е гг. XIX в. за счет привлечения как российского, так и иностранного капитала. При этом в конце XIX в. большая часть производств на Северном Кавказе относилась к «промышленности мелкой, граничащей с занятием ремеслами и работой кустаря». Производила она преимущественно предметы первой необходимости. По числу фабрик и заводов, насчитывавшихся в регионе к 1890 г., лидировали Кубанская область (5 604) и Ставропольская губерния (2 589). В Терской области было 1 840 промышленных предприятий, а в Дагестанской – лишь 74 (Энциклопедический словарь..., 1894: 845). Появление промышленности дает новый импульс развитию городов Северного Кавказа, ставших индустриальными, образовательными и культурными центрами региона, притоку высокообразованного населения из других регионов России. Именно в этот период начинает формироваться особая роль города на Северном Кавказе, сохраняющаяся и в настоящее время. В этническом и культурном плане города начинают существенно отличаться от сельских территорий. Города были интернациональны, значительную часть населения каждого из них составляли представители не автохтонных для этой территории народов. В них проживало много этнических русских – носителей городской культуры, ставших проводниками модернизации.

Исторически абсолютное большинство городов Северного Кавказа изначально представляло собой крепости, основанные в XVIII – первой половине XIX вв., а не торговые и ремесленные центры. Русские в них изначально составляли большинство. Начавшийся по окончании Кавказской войны рост городского населения также происходил главным образом за счет русских переселенцев. Единственным городом на Северном Кавказе, где русские составляли меньшинство (10 % жителей), был Дербент (Суций, 2018: 68). Абсолютное большинство горского населения оставалось за пределами городской культуры и городского образа жизни. Это стало одним из основных социокультурных факторов конфликтогенности в регионе в XX в. Сложные социокультурные процессы, когда «город переваривает село, а село – город», не завершены и сегодня. Под влиянием городского образа и стандартов жизни через систему образования, политическую систему, идеологию происходило формирование российской системы ценностей, значительно отличавшейся от традиционных ценностей горских народов. В результате у народов Северного Кавказа формировалась двойная система идентичностей: российская и своя, традиционно этноконфессиональная. Эти идентичности в ряде случаев вступали в диссонанс, особенно в кризисные периоды истории страны.

Несмотря на активную русскую колонизацию Северного Кавказа на протяжении всего XIX в., развитие сельского хозяйства и открытие ряда промышленных предприятий, появление городов, в целом регион оставался окраиной империи, уступавшей по уровню экономического и социокультурного развития большинству других областей. Кавказский край характеризуется как страна «исключительно земледельческая», промышленность которой «развита крайне слабо» (Энциклопедический словарь..., 1894: 841). Основой аграрного развития были созданные русскими переселенцами товарные хозяйства, производившие в основном «зерновые хлеба». По мнению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицына, регион характеризовался низким уровнем социального, экономического и духовного развития и был недостаточно интегрирован в социокультурное пространство империи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1903 г. Д. 55. Л. 42-101). Включение северокавказских народов в модернизационные и урбанизационные процессы носило точечный характер. Государственная политика, основанная на русификации и сословном принципе, не способствовала интеграции горцев в российское социокультурное пространство, формированию у них лояльности к Российской империи. Получение образования, предполагавшее владение русским языком и включенность в российскую культуру, было доступно только узкому кругу горских элит. Это приводило к замкнутости горских общин, низкому уровню распространения русского языка, которым владели в основном элиты, а также наиболее активные и мобильные слои горского населения. В XIX в. процессы модернизации и урбанизации горцев затрагивали незначительно.

Система образования становится основным проводником политики русификации горского населения Северного Кавказа. Согласно новому положению об образовательном округе на Кавказе 1867 г., все светские школы переходят под единое управление, преподавание в них осуществляется на русском языке. В целом школьное образование на Северном Кавказе стало площадкой интеграции горской элиты в российское социокультурное пространство (Erokhin et al., 2021: 1156). Политика русификации предполагала и привлечение горской знати к государственному управлению регионом. Важнейшими условиями были знание русского языка и подтвержденная преданность российскому престолу (Документы по истории Балкарии..., 1959: 17-18). Например, кабардинский князь полковник Султанбек Клишбиев в течение ряда лет (с 1910 по 1917 гг.) занимал должность начальника Нальчикского округа (ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15).

Начиная с 1881 г., в системе образования региона начался процесс унификации с российским образованием, уменьшение привилегий для представителей горской элиты. Вопросы образования на

Северном Кавказе рассматривались через призму укрепления российского государства и обучения горских народов на русском языке. По мнению наместника Кавказа графа И.И. Воронцова-Дашкова, «правильно поставленная русская народная школа... является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма...» (*Всеподданнейший отчет...*, 1913: 17–18). Эти процессы впоследствии вызвали резкую критику за жестко проводимую русификацию региона со стороны национальной и революционной интеллигенции. Так, русские школы, функционирующие в Дагестанской области, в других округах характеризовались как «орудие русификаторской политики» царского правительства, направленные на подготовку «верных слуг для самодержавия и господствующих классов» (*Каймаразов, 1989: 120*). Русский язык не имел большого распространения среди горского населения региона: «...функционировал в городах, на строительстве дорог, мостов, в административном управлении, официальной торговле...» (*Абдуллоев, 1990: 110*). Распространение русского языка, включение горских народов в российское социокультурное пространство было недостаточным и проходило в большей степени в ходе хозяйственной деятельности, торговли и взаимодействия с органами власти.

5. Заключение

Вехой в истории Северного Кавказа, драматично отразившейся в судьбах его народов, стал XIX в. Именно тогда были заложены многие социокультурные, экономические и демографические основы дальнейшего развития региона в XX в., являющиеся актуальными и на сегодняшний день. Русские в результате политики российского государства стали проводниками и акторами русификации, урбанизации, аграрного и промышленного развития Северного Кавказа. Активная русская крестьянская и военно-казачья колонизация региона привела к развитию земледелия, появлению первых промышленных предприятий, развитию городов, ставших культурными и образовательными центрами, проводниками модернизации. Колонизационно-переселенческие процессы продвижения русских на Северный Кавказ привели к серьезному изменению его социокультурного ландшафта. В процессе аграрного и индустриального развития с помощью русских переселенцев и властей происходило перемещение в регион институтов центральной зоны российской культуры. В XIX в. интенсифицировался процесс эффективного институционального и социокультурного обмена, в котором происходит присоединение культур горских народов к культурной матрице российского государства, продолжается формирование уникальной фронтальной культуры кавказского пограничья. В процессе взаимодействия с горскими народами происходит обоюдная социокультурная трансформация и ассимиляция. Русские на Северном Кавказе становятся основным актором развития российской культуры и поддержки основных государственных и социально-экономических институтов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018.

Литература

- Абдуллоев, 1990* – *Абдуллоев А.А.* Периодизация распространения русского языка в Дагестане // *Русский язык – язык межнационального общения народов СССР*. Махачкала, 1990.
- Ахмадов, 2013* – *Ахмадов Я.З.* Из истории складывания первого казачьего сообщества на Тереке // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2013. № 1(18). С. 94–97.
- Барретт, 2000* – *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара, 2000. С. 163–193.
- Великая, Великая, 2015* – *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.). Армавир, 2015. 250 с.
- Великая, 2001* – *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с.
- Всеподданнейший отчет...*, 1913 – *Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова*. СПб., 1913. 36 с.
- Гатагова, Трепавлов, 2019* – *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* «Перед толпой соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2019. 289 с.
- Гогаева, 2020* – *Гогаева Н.* Ясные горизонты Сагона // *Славные страницы трудовой истории*. 2020. 29 авг. № 153(28112).
- Денисова, Уланов, 2003* – *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. 350 с.
- Документы по истории Балкарии...*, 1959 – *Документы по истории Балкарии (40–90-е гг. XIX в.)* / Сост. Е.О. Крикунова. Т. 1. Нальчик, 1959. 262 с.

Иноземцева, 2018 – *Иноземцева Е.И.* Терско-гребенское старожильческое казачество в северокавказском историко-культурном контексте: взаимодействие, взаимовоздействие, межэтническая толерантность // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 5(42). С. 18-22.

История народов Северного Кавказа, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917) / Ред. Н.Л. Нарочницкий. М., 1988. 659 с.

Каймаразов, 1989 – *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. 160 с.

Кумыков, 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. 420 с.

Липранди, 1911 – *Липранди А.П.* Кавказ и Россия. Харьков, 1911. 262 с.

Первая Всеобщая перепись..., 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII.

Положение..., 1845 – Положение 1845 г. о Кавказском линейном казачьем войске. СПб., 1845. 128 с.

Попко, 1858 – *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: В 2 ч. СПб., 1858.

Пронштейн, 1982 – *Пронштейн А.П.* Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX века // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки*. 1982. № 1. С. 55-59.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ризаханова, 2001 – *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX–XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. 188 с.

Северный Кавказ в составе..., 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.

Соловьева, 2018 – *Соловьева Л.Т.* Некоторые стороны традиционно-бытовой культуры русского старожильского населения Северного Кавказа (по полевым материалам 1976 г.) // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 5(42). С. 94-98.

Суций, 2018 – *Суций С.Я.* Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XX в. // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 4(41). С. 66-73.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

Цуциев, 2006 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. 128 с.

Щербина, 1910 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. I. История края. Екатеринодар, 1910. 734 с.

Энциклопедический словарь..., 1894 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XIIIА (26). Исторические журналы – Калайдович. СПб., 1894. 960 с.

Kappeler, 2001 – *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London, 2001. 480 p.

Miller, 2004 – *Miller A.* Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. 5(1):7-26.

Russia's Orient..., 1997 – *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Ed. D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997. 368 p.

Erokhin et al., 2021 – *Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M.* National Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1153-1161.

References

Abdullov, 1990 – *Abdullov, A.A.* (1990). Periodizaciia rasprostraneniia russkogo iazyka v Dagestane [Periodization of the spread of the Russian language in Dagestan]. *Russkij iazyk – iazyk mezhnacional'nogo obshcheniia narodov SSSR*. Makhachkala. [in Russian]

Akhmadov, 2013 – *Akhmadov, Ia.Z.* (2013). Iz istorii skladyvaniia pervogo kazach'ego soobshchestva na Tereke [From the history of the formation of the first Cossack community on the Terek]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 1(27): 94-97 [in Russian]

Barrett, 2000 – *Barrett, T.M.* (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of Uncertainty: the Frontiers of the Northern Caucasus]. *Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij period*. Samara. Pp. 163-193. [in Russian]

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic]. [in Russian]

Denisova, Ulanov, 2003 – *Denisova, G.S., Ulanov, V.P.* (2003). Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokul'turnogo statusa [Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. Rostov-na-Donu, 350 p. [in Russian]

- Dokumenty po istorii Balkarii..., 1959** – Dokumenty po istorii Balkarii (40–90-e gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40–90s of the 20th century)]. Vol. 1. Na'chik, 1959. 262 p. [in Russian]
- Enciklopedicheskij slovar'..., 1894** – Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Vol. XIII A (26). Istoricheskie zhurnaly – Kalajdovich [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Volume XIII A (26). Historical journals – Kalaidovich]. SPb., 1894. 960 p. [in Russian]
- Erokhin et al., 2021** – *Erokhin, A.M. Avdeev, E.A., Vorobev, S.M.* (2021). National Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. *Bylye gody*. 16(3): 1153-1161.
- Gatagova, Trepavlov, 2019** – *Gatagova, L.S., Trepavlov, V.V.* (2019). «Pered tolpoiu soplemennyykh gor»: problemnye voprosy istorii politiki Rossii na Kavkaze (XVIII–XIX vv.) [“In front of a crowd of tribal mountains”: problematic issues of the history of Russian policy in the Caucasus (XVIII–XIX centuries)]. M. 289 p. [in Russian]
- Gogaeva, 2020** – *Gogaeva, N.* (2020). Iasnye gorizonty Sadona [Clear skylines of Sadon]. *Slavnye stranicy trudovoj istorii*. Aug 29, 153(28112). [in Russian]
- Inozemceva, 2018** – *Inozemceva, E.I.* (2018). Tersko-grebenskoe starozhil'cheskoe kazachestvo v severokavkazskom istoriko-kul'turnom kontekste: vzaimodejstvie, vzaimovozdejstvie, mezhetnicheskaia tolerantnost' [Terek-Grebensk old-timer Cossacks in the North Caucasian historical and cultural context: interaction, interaction, interethnic tolerance]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 5(42): 18-22. [in Russian]
- Istorija narodov Severnogo Kavkaza..., 1988** – Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. Vol. 2. M., 1988. 659 p. [in Russian]
- Kajmarazov, 1989** – *Kajmarazov, G.Sh.* (1989). Prosveshchenie v dorevoliucionnom Dagestane [Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala, 160 p. [in Russian]
- Kappeler, 2001** – *Kappeler, A.* (2001). The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London. 480 p.
- Kumykov, 1965** – *Kumykov, T.Kh.* (1965). Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century.]. Na'chik, 420 p. [in Russian]
- Liprandi, 1911** – *Liprandi, A.P.* (1911). Kavkaz i Rossiia [Caucasus and Russia]. Khar'kov. 262 p. [in Russian]
- Miller, 2004** – *Miller, A.* (2004). Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 5(1): 7-26.
- Pervaia Vseobshchaia perepis'..., 1905** – Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossijskoj Imperii 1897 g. [The Russian Imperial Census of 1897]. Vol. II. SPb, 1905. Table XIII. [in Russian]
- Polozhenie..., 1845** – Polozhenie 1845 g. o Kavkazskom linejnom kazach'em vojske [Regulations of 1845 on the Caucasian linear Cossack Host]. SPb., 1845. 128 p. [in Russian]
- Popko, 1858** – *Popko, I.D.* (1858). Chernomorckie kazaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraia, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby: v 2 ch. [Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays on the region, society, armed forces and service: in 2 parts]. SPb. [in Russian]
- Pronshtejn, 1982** – *Pronshtejn, A.P.* (1982). Rol' kazachestva i krest'ianstva v zaselenii i khoziajstvennom osvoenii Dona i stepnogo Predkavkaz'ia v XVIII – pervoj polovine XIX veka [The role of the Cossacks and the peasantry in the settlement and economic development of the Don and the steppe Ciscaucasia in the 18th – first half of the 19th centuries]. *Izvestiia Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysšej shkoly. Obshchestvennye nauki*. 1: 55-59. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].
- Rizakhanova, 2001** – *Rizakhanova, M.Sh.* (2001). Dagestanskije russkie. XIX-XX v.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Dagestan Russians. 19th – 20th centuries: historical and ethnographic research]. Makhachkala. 188 p. [in Russian]
- Russia's Orient..., 1997** – *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. 368 p.
- Severnyj Kavkaz v sostave..., 2007** – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M., 2007. 460 p. [in Russian]
- Shcherbina, 1910** – *Shcherbina, F.A.* (1910). Istorii Kubanskogo kazach'ego vojska. Vol. I. Istorii kraia [History of the Kuban Cossack Host. Vol. I. History of the region]. Ekaterinodar. 734 p. [in Russian]
- Solov'eva, 2018** – *Solov'eva, L.T.* (2018). Nekotorye storony tradicionno-bytovoj kul'tury russkogo starozhil'cheskogo naseleniia Severnogo Kavkaza (po polevym materialam 1976 g.) [Some aspects of the traditional everyday culture of the Russian old-timer population of the North Caucasus (based on field materials, 1976)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 5(42): 94-98. [in Russian]
- Sushchii, 2018** – *Sushchii, S.Ia.* (2018). Russkoe naselenie gorodov Severnogo Kavkaza: demograficheskaja dinamika XIX – nachala XIX v. [Russian population of the cities of the North Caucasus: demographic dynamics of the 19th – early 19th centuries]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 4(41): 66-73. [in Russian]

- Tsutsiev, 2006** – *Tsutsiev, A.A.* (2006). Atlas etnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774–2004) [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004)]. M. 128 p. [In Russian]
- Velikaya, 2001** – *Velikaya, N.N.* (2001). Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ia v XVIII–XIX vv. [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the XVIII–XIX centuries.]. Rostov-na-Donu, 278 p. [in Russian]
- Velikaya, Velikaya, 2015** – *Velikaya, E.V., Velikaya, N.N.* (2015). Mirnye formy integracii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii (1801–1859) [Peaceful forms of integration of the North-Eastern Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)]. Armavir. 250 p. [in Russian]
- Vsepoddannejšij otchet..., 1913** – Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravleniia Kavkazom grafa I.I. Voroncova-Dashkova [Report for the Eight Years of Governing the Caucasus by Count I.I. Vorontsov-Dashkov]. SPb., 1913. 36 p. [in Russian]

Русские на Северном Кавказе в XIX в.: колониционно-переселенческие и социокультурные процессы

Алексей Михайлович Ерохин ^a, Евгений Александрович Авдеев ^{a,*}, Сергей Михайлович Воробьев ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается русская крестьянская и военно-казачья колонизация Северного Кавказа в XIX в., ее значение для региона. Авторы большое внимание уделяют различным аспектам социокультурного взаимодействия русских переселенцев и горских народов. Методология основана на сочетании историко-антропологических исследований, анализа этномиграционных, колониционно-переселенческих и социокультурных процессов, теории фронта. Активная русская колонизация изменила социокультурный и этнический ландшафт Северного Кавказа, способствовала развитию сельского хозяйства и промышленности, росту городов. Происходила интенсификация институционального и социокультурного обмена, присоединение культур горских народов к социокультурной матрице российского государства. Продолжала формироваться уникальная фронтальная культура кавказского пограничья. Естественная социокультурная интеграция, проходившая между казаками, русскими переселенцами и горским населением в XIX в., в это время не стала приоритетом государственной политики. Большинство горского населения, оставалось за пределами влияния российской культуры, не было включено в модернизационные и урбанизационные процессы. Это стало социокультурным фактором сохранения конфликтности в регионе в XX в.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, русские, казаки, колониционно-переселенческие процессы, социокультурные процессы, образование, русификация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)